

Мир снизу вверх, или Шедевры евразийской архитектуры

Олег Барабанов, Тимофей Бордачёв,
Фёдор Лукьянов, Андрей Сушенцов,
Иван Тимофеев

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-907845-19-0

© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2024

Российская Федерация, 127051, Москва,
Цветной бульвар, дом 16/1

Об авторах

Барабанов Олег Николаевич

Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»; профессор МГИМО МИД России; профессор РАН

Бордачёв Тимофей Вячеславович

Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»; научный руководитель Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, профессор НИУ ВШЭ

Лукиянов Фёдор Александрович

Руководитель авторского коллектива; директор по научной работе Фонда клуба «Валдай»; главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»; председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике; профессор-исследователь НИУ ВШЭ

Сушенцов Андрей Андреевич

Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»; декан факультета международных отношений МГИМО МИД России

Тимофеев Иван Николаевич

Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»; генеральный директор Российского совета по международным делам

Содержание

- 5 Уйти от всеобщей
холодной войны
- 6 Развитие каждого –
безопасность всех
От частного к общему
От общего к частному
- 10 Не как в Европе
- 11 Сила и её эмоции
- 13 Другое совещание
- 14 Безопасность и выгода
- 15 Политизация и борьба с ней
- 17 Назад к рынку
- 18 Доверие без принуждения
- 23 Возможно ли согласие о принципах
мирового устройства?

Нет ничего постоянного, кроме изменений...
Из разнообразия возникает совершенная гармония.

Гераклит Эфесский, V век до н.э.

Если искать лейтмотив текущего года, – вероятно, это привыкание к отсутствию предопределённости. Затихают разговоры о мировом порядке. Прежний уже не функционирует, а каким станет новый и сложится ли он вообще – неизвестно. Когда несколько лет назад авторы ежегодного Валдайского доклада выдвинули гипотезу¹, что порядок в знакомом нам из прошлого понимании едва ли возникнет, это вызвало в лучшем случае сдержанные комментарии. Как же без порядка?

Между тем привычка к упорядоченной международной системе – явление по историческим меркам недавнее. Большая часть политической истории государств отмечена произвольными отношениями между ними, они складывались в процессе взаимодействия и быстро менялись. То, что сейчас принято называть многополярным, или полицентричным миром, по форме напоминает возвращение к среде, предыдущие проявления которой мы наблюдали до большой войны начала XX века. Но параллели обманчивы, потому что структура международных отношений качественно иная.

Во-первых, несмотря на острые противоречия, мир остаётся целостным и тесно взаимосвязанным. Конфликты не разрывают связи, а деформируют их, иногда, правда, весьма существенно.

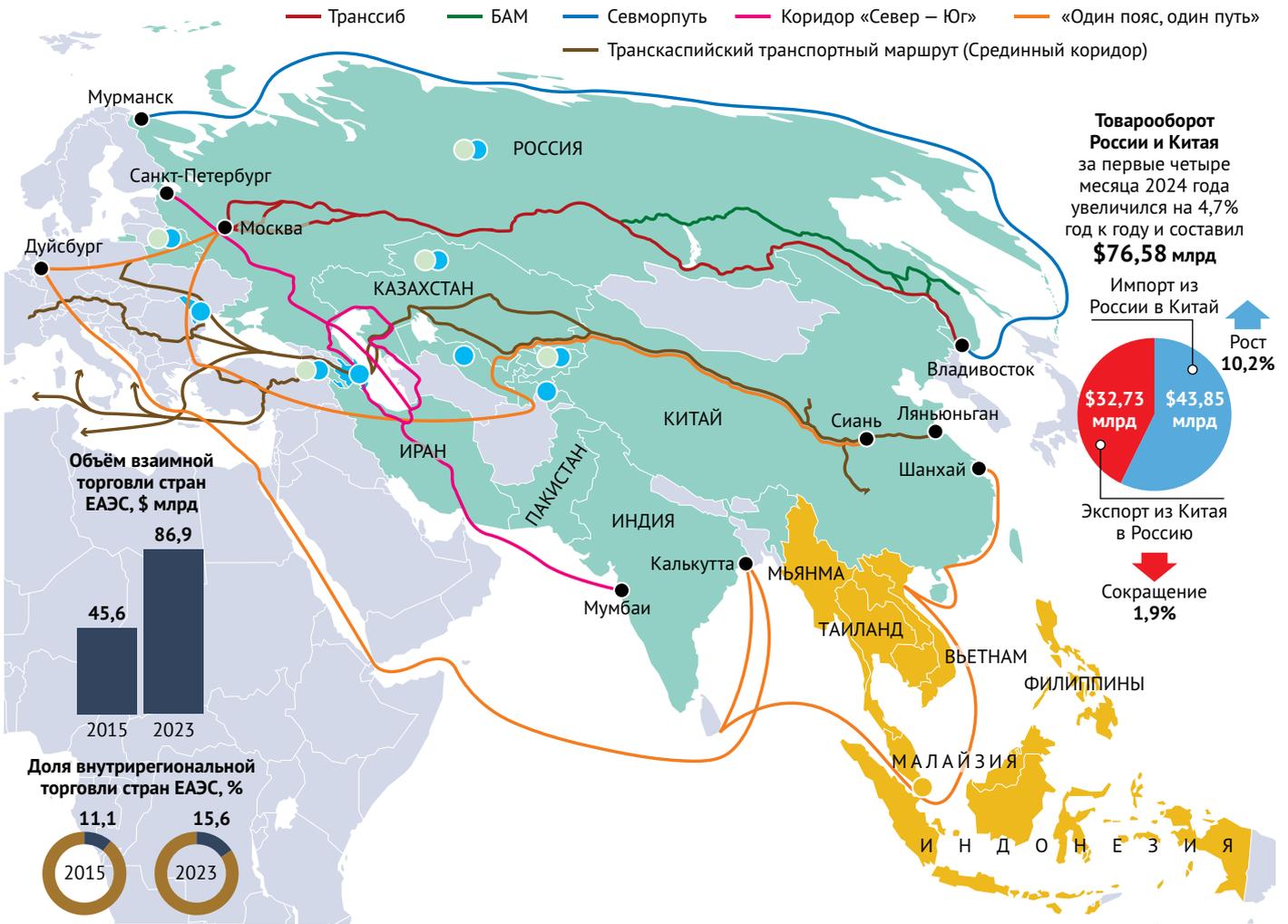
Во-вторых, по сравнению с рубежом XIX и XX столетия, да и с 1945 годом, когда закладывался наиболее прочный из известных до сих пор мировых порядков, количество значимых игроков, влияющих на международные процессы, возросло едва ли не в разы. И это не только крупные державы.

Прежние подходы по установлению мирового баланса – будь то мирными или военными средствами – не работают, а принципиально новых инструментов в арсенале государств не появилось. Обходиться придётся тем, что есть, но использовать этот набор, исходя из изменившихся условий. Это требует переосмысления происходящего, отказа от стереотипов, определявших наши представления в предшествующую эпоху. В прошлогоднем докладе² мы предполагали, что одним из главных отличий наступающего времени будет невозможность строить международные отношения по принципу иерархии. Ход событий подтверждает, что так и происходит.

¹ См.: Барабанов О.Н., Бордачёв Т.В., Лисоволик Я.Д., Лукьянов Ф.А., Сушенцов А.А., Тимофеев И.Н. Жизнь в осыпающемся мире. Ежегодный доклад Клуба «Валдай» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 15.10.2018. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/zhizn-v-osypayushchemsya-mire/>

² См.: Барабанов О.Н., Бордачёв Т.В., Лукьянов Ф.А., Сушенцов А.А., Тимофеев И.Н. Аттестат зрелости, или Порядок, какого ещё не было. Ежегодный доклад клуба «Валдай» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 02.10.2023. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/attestat-zrelosti-2023/>

ЕВРАЗИЯ – ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ, ПУТИ, ПРОЕКТЫ

ШОС	ЕАЭС	СНГ	АСЕАН
Белоруссия	Армения	Азербайджан	Бруней
Индия	Белоруссия	Армения	Вьетнам
Иран	Казахстан	Белоруссия	Индонезия
Казахстан	Киргизия	Казахстан	Камбоджа
Китай	Россия	Киргизия	Лаос
Киргизия		Молдавия	Малайзия
Пакистан		Россия	Мьянма
Россия		Таджикистан	Сингапур
Таджикистан		Узбекистан	Таиланд
Узбекистан			Филиппины

Коэффициент торгово-экономической связанности (КТЭС) стран ЕАЭС в 2021–2022 гг.

Источник: Пылин А. ЕАЭС как экономический центр формирования Большого Евразийского партнерства // РСМД. 5.09.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/eaes-kak-ekonomicheskij-tsentr-formirovaniya-bolshogo-evraziyskogo-partnerstva/>

Уйти от всеобщей ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

В 1945 году, когда возникал мировой порядок, который до сих пор принято воспринимать в качестве модельного, писатель и публицист Джордж Оруэлл в эссе «Ты и атомная бомба»³ пришёл к неутешительному выводу: колоссальные военные возможности стран, обладающих большими запасами ядерного вооружения, делают неизбежной вечную холодную войну. И это не только их противостояние друг с другом, но и (что, возможно, важнее) между ними и остальными странами, не обладающими оружием массового уничтожения. В иерархии международных приоритетов отношения великих ядерных держав всегда будут стоять выше любых других отношений, а их конфликт между собой не позволит создать (ни на мировом, ни на региональном уровнях) систему сотрудничества, – только систему конкуренции. И любые инициативы, выдвигаемые этими державами, несут на себе отпечаток их отношений с теми, кто равен им по разрушительным возможностям. Мировая политика, таким образом, виделась классику обречённой на вечное состояние не войны, а «мира, который не будет миром».

Пока судьба всеобщей стабильности, действительно, становится жертвой противоречий между самыми могущественными странами – США, Россией и Китаем. Является ли это основанием, чтобы «мириться лучше со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться»⁴? Тем более что даже в условиях крайне острого противоборства не происходит подлинного раскола мира на соперничающие блоки, как это было в прошлом веке. Опыт такой блоковой системы, как сообщество стран Запада, не мультиплицируется, хотя она считается очень успешной. И это заставляет предположить, что обязывающие альянсы, скованные идеологией и жёсткой дисциплиной, – исключение, а не правило. Нет признаков того, чтобы другие государства хотели создать объединения, похожие по степени единомыслия.

Как возникают новые правила игры? В результате изменений в соотношении сил, а в современном случае – ещё и исчерпания возможностей для того, чтобы узкая группа государств могла определять характер поведения всего международного сообщества. Стремление подавляющего большинства стран к самостоятельности на основе уважения интересов других – структурная основа формирующегося регионального и, возможно, мирового устройства.

³ Оруэлл Дж. Ты и атомная бомба (*Orwell G. You and the Atomic Bomb*) // *Tribune*. 19.10.1945.

⁴ Из пьесы «Гамлет» Уильяма Шекспира в переводе Бориса Пастернака.

Нынешняя ситуация отчасти парадоксальна. С одной стороны, на мировой арене происходит кардинальный сдвиг, превосходящий по масштабу и глубине тот, что случился в конце XX века, на рубеже 1980-х и 1990-х годов. С другой – перемены не носят революционного характера. Они ведут не к обрушению и исчезновению, а к трансформации прежних порядков и норм. Да никто и не заинтересован в радикальном сценарии. Происходящая и ожидаемая международная эскалация выглядит не как осознанная стратегия, а скорее как результат непродуманных действий или отсутствия иных идей. Главное в том, что возвращение назад невозможно, а предстоящее не будет даже примерным повторением пройденного.

Формируется запрос на создание стабилизационных механизмов, которые не только расширяли бы имеющиеся у государств возможности, но и служили предохранителями от самых трагических сценариев, наподобие тех, что разворачиваются вокруг Украины и на Ближнем Востоке. Наиболее активно поиск таких механизмов будет происходить на самом большом по площади и населению материке планеты – в Евразии. Именно здесь сложились самые подходящие предпосылки для этого. Связанность же Евразии с остальным миром настолько глубока, что здешние процессы окажут решающее влияние на развитие остальных частей планеты и на то, как будут решаться важнейшие проблемы безопасности и устойчивости – продовольственной, энергетической, экологической.

Развитие каждого – безопасность всех

От частного к общему

Создание евразийской системы сотрудничества в сфере безопасности сталкивается со множеством препятствий – и как идея, и как практика. Но она возможна на этом огромном пространстве, если цели развития каждой из стран удастся поставить выше, чем факторы, которые обуславливают конфликты и конкуренцию. Именно в Большой Евразии, где конфликты затрагивают только периферийные области и не проникают вглубь территории, сохранение устойчивости за счёт новых форм координации в сфере безопасности представляется реализуемым.

Мировая практика, проявившаяся в последние три года, наглядно демонстрирует: стремление отдельных государств к разностороннему развитию, а значит – нежелание замыкать себя в рамках конкретного блока, сильнее, чем инерция размежевания по идеологическим или даже страте-

гическим соображениям. Нежелание вписываться в бинарную схему мироздания было свойственно значительной части так называемого «третьего мира» и на пике военно-идеологического противостояния второй половины XX века, даже несмотря на то, что оппозиция двух блоков составляла основное содержание мировой политики. Тем более это нежелание естественно теперь, когда противоборство не имеет структурированного характера, а попытки идеологического разделения мира, например на «демократии» и «автократии», настолько искусственны, что не выдерживают минимальной проверки международной реальностью.

Большинство стран с разной степенью уверенности и напористости отстаивают право на своё собственное место в мировых делах, стремятся сами определять для себя пути достижения целей развития и безопасности. Современная история знает примеры кооперации государств во имя общей цели повышения благосостояния (АСЕАН – наиболее известный). В основе такого сотрудничества – исключение взаимного диктата в политических вопросах и расширение практического взаимодействия для решения конкретных задач каждой страны. Эти принципы – отправная точка для размышлений, какой может быть региональная безопасность в современном мире. А совокупность региональных систем безопасности – это безопасность всеобщая.

Фундаментальная особенность ситуации в Евразии – она неотделима от проблемы глобальной безопасности в целом.

Во-первых, безопасность России и Китая непосредственно зависит от их отношений с Соединёнными Штатами, а это существенная часть мировой политики, во многом определяющая её содержание. Соответственно, стратегические устремления США оказывают прямое воздействие на состояние евразийской безопасности. Не говоря уже о том, что западная оконечность Евразии – Европа – часть «коллективного Запада», преследующая его групповые интересы.

Будущее Европы – один из важных факторов, которые повлияют на международную политику в предстоящие десятилетия. Эпоха, когда Европа занимала центральное место в мировых делах, завершается. Но Старый Свет по-прежнему обладает значительным экономическим потенциалом и технологиями, которые делают его привлекательным партнёром для достижения целей развития в других регионах. События 2022–2024 годов сопровождались укреплением трансатлантических связей и снижением субъектности Европы в международных делах, её неукоснительным следованием в американском фарватере. Однако скорость и масштаб перемен в мире позволяют предположить, что данная ситуация – не навсегда. Основные евразийские державы исходят из того, что в предстоящие годы позиционирование Европы может меняться по мере общей трансформации международной системы. В том числе и в направлении интереса части европейских государств к участию в широких евразийских проектах.

Во-вторых, безопасность целой группы евразийских стран – также часть всеобщей безопасности. Многие из этих государств видят источники своего развития (финансовые, технологические, отчасти культурные) за пределами Евразии. Они также являются важными участниками мировой политики, оказывая влияние на многие сюжеты. Их глобальное значение, вовлечённость в «большую игру» гарантируют заинтересованность в поддержании мира на пространстве Евразии. Это важная причина сравнительной стабильности внутренней евразийской территории и предпосылка для создания там общих платформ безопасности. Показательно, что после завершения Второй мировой войны между государствами Евразии не было ни одного крупного военного конфликта (западная окончательность является исключением – как раз по той причине, что там столетиями доминировала европейская психология «игры с нулевой суммой»).

Исторические пути и маршруты, сложившиеся в Евразии и вокруг неё ещё до Великих географических открытий и начала европейской колонизации, восстанавливаются по мере диверсификации мировой политико-экономической системы. Как ни парадоксально, карательные экономические меры США и их союзников против России ведут к совершенствованию различных форм и путей мировой торговли, способствуют гибкости экономических агентов, стремлению к поиску альтернатив.

В-третьих, Евразия объективно занимает большую часть обитаемой суши, является домом для нескольких цивилизаций и десятков государств, на которые приходится 70 процентов населения Земли. Не случайно это пространство будоражило умы классиков геополитического подхода, которые считали евразийский Хартленд центром мировых процессов.

Поскольку евразийская безопасность неотделима от глобальной, её конкретные принципы, процедуры взаимодействия между государствами и институциональные формы трудно определить применительно лишь к конкретному региону. Материк представляет собой сложный механизм с точки зрения организации межгосударственных отношений, но и наиболее перспективный, поскольку там присутствует запрос на выстраивание устойчивой системы взаимосвязей и практически нет балласта в виде институтов прошлой эпохи. Здесь наиболее вероятно возникновение альтернативы принципам и институциональным формам европейской безопасности⁵, которые не могут быть универсальными в силу культурно-исторической специфики Европы. Самым крупным достижением последней в сфере общего пространства безопасности стала так называемая хельсинкская система, продуктом которой является Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Однако она не смогла приспособиться к масштабному измене-

---

⁵ Последняя на протяжении четырёхсот лет выполняет роль глобальной: «вестфальские правила игры», баланс сил, «правило Меттерниха» о том, что международная безопасность – это когда одно государство рассматривает вопросы безопасности другого, как свои собственные.

нию соотношения сил после завершения холодной войны 1946–1990 годов. Результатом стал серьёзный военно-политический кризис, переживаемый сегодня Европой.

От общего к частному

Именно Евразия представляет собой регион, где возможно появление новой концепции международной безопасности. Этому благоприятствуют, с одной стороны, неотделимость от проблем глобальной безопасности и развития, с другой – заинтересованность государств в том, чтобы их общее окружение оставалось стабильным и не порождало судьбоносных вызовов. Положение государств Евразии в мировой экономике не требует от них объединения усилий ради получения выгод, как это происходит в случае стран Запада. Но в Евразии невозможно создать и чёткие геополитические и цивилизационные барьеры. Разнообразный опыт, которым обладают государства материка, аккумулирует новые международные тенденции и может стать в перспективе фундаментом переустройства всего мирового обихода.

На чём базируется безопасность в Евразии?

На признании целостности объединяющего пространства и невозможности проведения там разделительных линий.

На осознании общности интересов и коллективном лидерстве.

На политическом равноправии всех государств региона вне зависимости от их размеров и потенциала.

В Евразии нет революционных, ревизионистских держав, для которых распространение вовне приемлемых для них внутренних порядков (экспорт социально-политических моделей по примеру СССР или США) было бы необходимым условием их собственного выживания. Радикальные идеи представлены не государствами, а трансграничными экстремистскими группировками, и общая задача состоит в ограничении, а в идеале – прекращении их деятельности.

Евразийская региональная система безопасности нацелена на решение вопросов, которые рассматриваются отдельно от глобальных проблем безопасности (где на первом месте, согласно Оруэллу, – отношения между великими ядерными державами), а также на обеспечение устойчивости региона к вызовам извне, что подразумевает устойчивость каждой конкретной страны. Защита от внешних угроз и предотвращение обострения конфликтов внутри происходят не посредством установления жёсткой блоковой дисциплины, а в рамках многостороннего сотрудничества. Прак-

тическая задача – идентификация внешних угроз, противодействие которым не заставляет государства Евразии выбирать стороны в рамках оруэлловской холодной войны с участием ядерных держав.

Общее понимание того, что базисом порядка служат именно самостоятельные государства, помогает сформулировать основной принцип – взаимный отказ от действий, нарушающих целостность региона и равноправие каждого. основополагающая ценность состоит в безусловном уважении общественно-политических систем друг друга и принципиальном отказе стремиться к их изменению. Этот подход, кажущийся самоочевидным, контрастирует с практикой 1990–2010-х годов, когда силовая трансформация суверенных государств с активным внешним участием вплоть до вооружённого вмешательства представлялась западными лидерами мировой политики в качестве нормы.

Суверенное равенство обеспечивает условия для соблюдения справедливости – а это понятие в международной политике самое важное, хотя и наиболее субъективное. Именно вопрос обеспечения справедливости останется в центре любого международного устройства в будущем, даже если исчезнут институты, созданные в прошлом, чтобы сглаживать неравенство сил между государствами. И чем более грядущие правила игры окажутся приспособлены для того, чтобы гарантировать справедливость, тем более эффективно они смогут предотвращать военные конфликты. Общая задача – поддержание справедливости в отношении базовых интересов и ценностей всех государств Евразии.

Не как в Европе

Не стоит ожидать, что на следующем этапе так или иначе воспроизведутся условия, характерные для Европы прошлых веков или десятилетий. Говоря о региональной безопасности в будущем, следует максимально освободиться от шаблонов восприятия и привычных рецептов. В отличие от Европы (зоны соприкосновения интересов России и Запада) в Евразии отсутствует общая фундаментальная проблема, решить которую помогло бы создание системы коллективной региональной безопасности по хельсинкской модели. Здесь нет и не будет противостоящих друг другу великих держав или блоков, баланс между которыми определяет, какие интересы важны, а какие – второстепенны. В Евразии нет второстепенных государств и второстепенных интересов, потому что даже самые крупные страны не способны навязать собственные правила игры.

Баланс сил, лежащий в основе европейской системы, как мы видели, не может рассматриваться в качестве решения – просто потому, что круп-

нейшие евразийские государства не являются конкурентами по вопросам, от которых зависит их выживание. Иными словами, соотношение сил и влияния между Россией, Китаем и Индией, даже если между ними возникают конкретные трения, не влияет на то, сохранятся ли они и достигнут ли своих целей развития. Противоречия, в которые вовлечены крупнейшие державы Евразии, существуют, но проявляются на глобальном уровне международной политики. Внутри евразийского пространства они не играют первую скрипку. И это важное условие сотрудничества.

Сила и её эмоции

Хотя Евразия во многом уникальна по своей композиции, как органичная часть мировой системы она не находится в отрыве от международного контекста и исторических закономерностей. Так, после периода относительно высокой регламентированности и опоры на институты (порядок, установленный в 1945 году) международные отношения вернулись к «базовым настройкам». Сила остаётся ключевой категорией, её применение (или угроза применения) снова востребовано. А эмоции и личные качества лидеров в сочетании с национальной стратегической культурой определяют взаимодействие держав больше, чем порядки, нормы и правила, возникшие в эпоху биполярного противостояния и сохранившиеся на переходный период.

Эмоции, о роли которых имеет смысл говорить применительно к международным делам, – это прежде всего страх и гнев. Помимо складывающихся обстоятельств они определяются в каждом конкретном случае историческим опытом народов. Страх в диапазоне от опасения до тревоги и ужаса является одним из ключевых мотивов поведения государств⁶. Гнев в амплитуде от раздражения, злости до ярости также направляет развитие международных отношений, находит выражение в операциях возмездия, насильственных акциях, в том числе террористических. Эмоциями страха и гнева нередко руководствуются не только политические лидеры, но и общества в целом. Эти эмоции оказывают влияние на положение дел с безопасностью и на то, как её понимают.

В отдельных случаях страны наблюдают за развитием международных процессов с позиции силы и производных от неё эмоций спокойствия и твёрдости. Ощущение силы является важным побудительным мотивом в отношениях между державами, лидирующими в военном отношении.

---

⁶ Pace M., Bilgic A. Studying Emotions in Security and Diplomacy: Where We Are Now and Challenges Ahead // *Political Psychology*. 2019. Vol. 40. No. 6. Pp. 1407–1417.

Lebow R.N. Fear, Interest and Honour: Outlines of a Theory of International Relations // *International Affairs*. 2006. Vol. 82. No. 3. Pp. 431–448.

Базовые эмоции – страх, гнев и спокойствие на основе ощущения силы – снова, как и в прежние исторические эпохи, определяют выбор между двумя ключевыми стратегиями действия: стратегией сокрушения и позиционной стратегией⁷.

Стратегия сокрушения всегда опирается на значительное материальное и силовое превосходство, владение инициативой и быстрое нанесение поражения оппоненту. Позиционная стратегия уступает инициативу, позволяя наступающей стороне действовать, опирается на необходимость концентрации ресурсов и их постепенного сосредоточения. Применяющий такую стратегию уклоняется от решительного сражения как можно дольше и даёт его только тогда, когда считает, что уже не может проиграть. Время обычно на стороне позиционной стратегии.

В Евразии позиционная стратегия традиционно приоритетна для большинства государств. Классическая евразийская военная мысль выражена, в частности, в китайском трактате «Искусство войны», где изложены принципы позиционной стратегии: «Самая лучшая война – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войска»⁸. Например, если говорить о России, то можно проследить (от тактики московских князей до полководцев времён Отечественной войны 1812 года), что терпение и готовность к длительным противостояниям всегда были присущи российским военно-политическим традициям.

Эти теоретические рассуждения имеют прямое отношение к текущей международной ситуации. В условиях глубоких сдвигов расстановки сил Соединённые Штаты, стремящиеся сохранить гегемонию, всё чаще выбирают наступательную, провокационную политику. Она не зиждется на спокойной уверенности в собственных силах, а исходит из эмоций гнева и раздражения, вызванных тем, что оппоненты бросают США вызов, а также злости на внутреннюю оппозицию, которая недооценивает масштабы этого вызова. Помимо гнева, есть страх и ощущение тревоги, что нынешние тенденции приведут к незнакомой и непонятной для Соединённых Штатов ситуации – смещению силового баланса в пользу Востока.

Столкновение эмоций – примета мира после институтов⁹.

---

⁷ Стратегия в трудах военных классиков / Редакция, вступительная статья и комментарии А. Свечина. М., 1924.

Carr A., Walsh B. The Fabian Strategy: How to Trade Space for Time // Comparative Strategy. 2022. Vol. 41. No. 1. Pp. 78–96.

⁸ Из трактата «Искусство войны». Традиционно авторство приписывается легендарному военачальнику и стратегу Сунь-Цзы (VI–V века до н. э.).

⁹ См.: Моизи Д. Конфликт эмоций // Журнал «Россия в глобальной политике». 2007. №1. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/konflikt-emoczij/>

Другое совещание

В Евразии нет условий для доминирования одной силы. Это не означает, что здесь невозможно соперничество – интересы у всех держав свои; силовые балансы тоже будут складываться, хотя трудно и продолжительно. Но преимущество Евразии в том, что между странами материка – за некоторыми исключениями – нет застарелых, уходящих корнями далеко в прошлое конфликтов, перенасыщенных чувствами страха или гнева. Крупным державам Евразии объективно нет необходимости враждовать друг с другом для решения своих жизненных задач. Земля здесь достаточно большая и богатая для того, чтобы вместить в себя всё разнообразие культур, цивилизаций и внешнеполитических приоритетов. И по этой причине в Евразии возможно равновесие на основе терпеливой позиционной стратегии, опирающейся на спокойную уверенность в своих силах, твёрдость и взаимную заинтересованность.

Евразийская система коллективной безопасности не может строиться на принципах военного альянса с чёткими обязательствами. Исключена блоковая дисциплина или жёсткая институциональная структура. Неприменима, как сказано выше, и модель, учреждённая в Европе в 1970-е годы в рамках общеевропейского процесса. Правда, само понятие «совещание по безопасности и сотрудничеству», появившееся тогда, евразийскому пространству подходит – механизм постоянных многосторонних консультаций о взаимодействии по любым вопросам. Принципиальное отличие от европейского аналога – СБСЕ/ОБСЕ создавались для фиксации сфер влияния в Европе, а затем трансформировались в инструмент обеспечения атлантической монополии. В Евразии ни то, ни другое невозможно. Равное распределение ответственности за стабильность и безопасность между евразийскими державами опирается на отказ от чьего-либо доминирования.

Принципы полицентричности, впервые изложенные в Российско-китайской совместной декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка в 1997 году¹⁰, включают в себя невмешательство во внутренние дела, уважение взаимных интересов, равенство, стремление к солидарному решению вопросов безопасности – например, демилитаризации совместной границы или предоставления гарантий безопасности находящимся между крупными странами малым и средним буферным государствам. Сейчас эти принципы обретают многосторонний характер.

Архитектура евразийской безопасности не может быть закрытой. Она воплощается не в международной организации, а в системе двусторонних и многосторонних соглашений и структур разного устройства, которые

---

¹⁰ См. текст Декларации: <https://docs.cntd.ru/document/1902155?ysclid=m27d9a94wj720511004>

в совокупности покрывают все (не только военно-политические) аспекты коллективной безопасности. Важная цель – сокращение присутствия и возможностей для вмешательства внешних сил, которые используют страх и гнев малых и средних стран, чтобы будоражить ситуацию в Евразии. Задачей системы безопасности станет урегулирование всех крупных конфликтов силами региональных действующих лиц.

Система взаимного ядерного сдерживания между крупными державами делает невозможным достижение абсолютных политических целей. Сейчас – время относительных побед, абсолютная победа недостижима. Во всех крупных конфликтах, которые мы наблюдаем в Евразии – между Россией и Западом, Соединёнными Штатами и КНР, Индией и Пакистаном, Ираном и Израилем и в других случаях – идёт позиционное противостояние, где стратегия сокрушения крайне рискованна и малорезультативна. Архитектура евразийской безопасности в её военно-политической, силовой части будет опираться именно на эту эмоцию – спокойную уверенность в своих силах и в общем направлении движения международных отношений.

Безопасность и выгода

Международная безопасность сегодня – комплексный феномен, выходящий далеко за военно-политические рамки. Как противоборство охватывает теперь все сферы деятельности вплоть до культуры и экономики, так и безопасность носит многосоставный характер. Здравый смысл подсказывает, что экономическое сотрудничество создаёт предпосылки для неконфронтационных политических отношений. На деле всё сложнее.

Так, экономические отношения России и Европейского союза отличались завидной прочностью. Даже в 2022 году торговый оборот составлял 258,6 миллиарда долларов¹¹. ЕС был ключевым торговым партнёром России и основным рынком её энергоносителей. Более глубокая интеграция (например, в виде допуска российских компаний к долям в активах трубопроводов на территории Евросоюза или отдельных предприятий, как *Opel*) тормозилась по политическим причинам задолго до начала украинского кризиса в 2014 году¹². Высокий уровень торгового оборота не остановил деградацию вплоть до обрушения политического диалога. Отношения России и Украины также отличались высоким уровнем взаимозависимости – даже после

---

¹¹ Товарооборот между Россией и ЕС оказался максимальным за восемь лет // РБК. 7.03.2023. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6406ceed9a7947b3912b3c98?ysclid=m0l0zgm3hl844648897>

¹² Беликов Д., Егикян С. Magna и Сбербанк прокатили мимо Opel // Коммерсант. 5.11.2009. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1268884?ysclid=m0l145995v673478546>

2014 года. В 2021 году торговля составила 12,2 миллиарда долларов США. Это не смягчило политические противоречия, даже вызвало их обострение – поводом для начала глубочайшего кризиса, приведшего к вооружённому конфликту, стал мирный, казалось бы, вопрос начала 2010-х годов об эксклюзивности экономических отношений с Европой. Высочайший уровень экономической взаимозависимости Китая и США (690 миллиардов долларов торгового оборота в 2023 году)¹³ сосуществует с обострением политической конкуренции и попытками Вашингтона помешать технологическому росту КНР, в том числе с помощью ограничительных мер¹⁴. И наоборот – сложные политические отношения КНР и Индии сопровождаются торговым оборотом более чем в 100 миллиардов долларов¹⁵.

Примеров нелинейной связи экономики и международной политики, особенно в вопросах безопасности, – множество. Экономическая выгода может создавать условия для политического сотрудничества, но не страхует от конфронтации, если речь идёт о принципиальных вопросах безопасности.

Политизация и борьба с ней

Современная мировая экономика отмечена высоким уровнем глобализации финансов и торговых связей. Глобализация позволила существенно снизить издержки, оптимизировать поставки, вовлечь в технологические цепочки и цепочки добавленной стоимости множество экономик, способствуя их росту и модернизации. Доллар США превратился в удобный инструмент международных расчётов и резервов, а технологические платформы позволили соединить страны в единый экономический организм. Однако его «жизненно важные органы», ключевые узлы глобальных сетей – финансовых, технологических, коммуникационных – остались в юрисдикции государственных органов западных стран, прежде всего Соединённых Штатов. Доверие к США снижается из-за использования сетей экономической взаимозависимости в политических целях, но полноценных альтернатив пока нет¹⁶.

---

¹³ Козлов А. Объем торговли США и Китая обновил исторический рекорд // Ведомости. 10.02.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/02/10/962429-obem-torgovli-ssha-i-kitaya-obnovil-rekord>

¹⁴ Тимофеев И.Н. Политика санкций США против Китая: сравнительный анализ // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. №11. С. 70–79.

¹⁵ СМИ: Китай стал главным торговым партнером Индии в 2023–2024 финансовом году // ТАСС. 13.05.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20778213>

¹⁶ Феномен использования взаимозависимости как оружия был раскрыт, например: Farrell H. and Newman A. Weaponized Interdependence. How Global Economic Networks Shape State Coercion // International Security. 2019. Vol. 44. No 1. P. 42–79.

Благодаря доминированию доллара США «отлучение» отдельных компаний или лиц от долларовых расчётов способно наносить чувствительный экономический ущерб. По данным *SWIFT*, на долю доллара приходится 48,03 процента транзакций данной системы расчётов. Доля евро снизилась до 23,2 процента¹⁷. Блокирующие финансовые санкции – один из основных инструментов Соединённых Штатов. Их активно применяют также Евросоюз, Великобритания, Канада и другие страны. Россия стала основной мишенью таких мер. Однако объектами выступают лица из Ирана, КНДР, Китая, даже из государств-союзников и партнёров США, в частности Турции или ОАЭ, хотя и в гораздо меньшей степени.

Политизируются торговые и технологические связи. Санкции в отношении России содержат масштабные запреты на экспорт и импорт. Американское законодательство навязывает исполнение экспортного контроля странам, которые используют технологии, промышленное оборудование, программное обеспечение из Соединённых Штатов. Среди ограничений на импорт – российская нефть, нефтепродукты, золото, алмазы, сталь и другие товары. Ужесточается экспортный контроль в отношении Китая, особенно в области электроники и телекоммуникации. Китайские электронные сервисы запрещаются в США, а отдельным компаниям ограничивают контракты в западных странах. Иран находится под тотальным запретом экспорта и импорта товаров. Ещё более жёсткие запреты действуют в отношении КНДР. Даже в Евросоюзе компании вынуждены считаться с американским экспортным контролем, опасаясь вторичных санкций.

Наконец, транспортная и цифровая инфраструктура. Среди инструментов – введение ценового порога на перевозки российской нефти, санкции за значимые сделки с иранским нефтяным сектором, ограничения на использование морского и воздушного пространства, портов, аэропортов, шлюзов и другой инфраструктуры. Подсанкционные лица отключаются от ставших привычными сервисов, включая электронную почту, агрегаторы звуковых и видеофайлов, не говоря о более прикладных интернет-решениях в области инжиниринга и других технических областей.

Страны-мишени отвечают. Россия и Китай ввели в законодательство инструмент блокирующих финансовых санкций. Из России запрещён вывоз промышленного оборудования, введены особые меры в отношении экономических субъектов из недружественных стран. Китай внедряет систему «двойной циркуляции» в стратегических областях экономики и вкладывает средства в развитие собственных технологий. Иран и особенно КНДР давно живут в условиях частичной или почти полной автаркии. Союзники США задумываются над диверсификацией финансовых активов.

---

¹⁷ Доля доллара в расчетах через систему *SWIFT* достигла рекордного уровня в 48% // Коммерсант. 28.09.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6239234?ysclid=m0l1mzg1fu656162416>

Назад к рынку

Описанные явления принимают всё более масштабный характер и переносят на экономику жёсткую военно-политическую конкуренцию по принципу «игры с нулевой суммой». Фактически она отменяет рыночные принципы, в основе которых соображения взаимной выгоды. Если экономические связи и сети взаимозависимости используются как оружие, логичным ответом становится разрыв подобных связей или как минимум их диверсификация. Даже если такие шаги не оптимальны с точки зрения рынка, они неизбежны как способы снижения рисков безопасности.

Диверсификация финансовых расчётов предполагает использование иных (кроме доллара США) валют. Национальные валюты решают проблему лишь частично. В случае торговли с КНР – это разумный инструмент, поскольку юани можно использовать на большом китайском рынке. Но в торговых отношениях России и Индии возникают сложности с вложением рупий. Ещё больше затруднений – в торговле с менее развитыми или более специализированными экономическими системами. Стратегически требуется более универсальный механизм, который использовался бы несколькими крупными экономиками, например на базе БРИКС.

Поиск путей диверсификации расчётов ведётся, однако ожидать быстрого появления «валюты БРИКС» преждевременно, в том числе по техническим причинам. Вероятно, более доступный путь – не введение альтернативного резервного «антидоллара», а создание разнообразных расчётных схем на двух- или многостороннем уровне, способных обходить монополию американской финансовой службы. Россия в авангарде усилий, учитывая размер экономики и объём санкций, применяемых против неё.

То же касается и создания новых технологических цепочек, собственных производств, поиска альтернативных поставщиков промышленных товаров и технологий. Последние два года показали критическую уязвимость в использовании товаров, которые содержат западные компоненты. Свои замены могут оказаться менее эффективными и более дорогими. Но с точки зрения безопасности они вне конкуренции. В условиях запретов такие альтернативы являются выходом, как и поиск аналогов на других рынках. Сегодня мы видим возникновение новых цепочек там, где их сложно было представить ещё несколько лет назад, особенно в отношениях России и КНР.

Повторим, вопреки своему желанию Соединённые Штаты своей «политикой кнута» чрезвычайно стимулировали изобретательность экономических агентов по всему миру и повысили уровень экономической гибкости. Инфраструктурные ограничения подстегнули появление или масштабирование

разных явлений. Среди них – «теневые» танкерные флоты, альтернативные страховые системы, биржи, сервисы связи и интернет-коммуникаций.

На повестку дня вернулись крупные транспортные проекты в Евразии. В частности, виден прогресс в развитии коридора «Север – Юг». Очевидно, что осуществление таких начинаний сложно вместить в единую систему для всего Евразийского региона – слишком сильно отличаются друг от друга его страны, слишком разные отношения связывают их с США и западными государствами, слишком велики экономические отличия. Скорее такая система может выстраиваться как совокупность множества децентрализованных двусторонних и многосторонних форматов. Здесь могут быть и финансовые инструменты для сделок между отдельными странами, и системы расчётов для международных объединений, подобных БРИКС, и технологические проекты в узких областях, и точечные инфраструктурные решения. Однако количество таких инноваций неизбежно породит качественные изменения.

Экономика Евразии неизбежно будет уходить от сетей западоцентричной взаимозависимости, которые сегодня используются как оружие. От них необязательно отказываться, но необходимы запасные инструменты как предохранители от произвольной политизации. Евразийская система безопасности в области экономики может стать гибким и децентрализованным набором механизмов, снижающих «зависимость от взаимозависимости». Сейчас, возможно, это кажется странным, но именно Евразия способна стать флагманом мировых процессов возвращения к намного более рыночной системе экономических связей.

Доверие без принуждения

Мирные и продуктивные отношения между государствами, будь то на двусторонней или многосторонней основе, возможны только при наличии доверия. Это одинаково значимо и для перспектив развития, и для обеспечения безопасности.

На чём строится доверие в международных отношениях? Западный ответ на этот вопрос – на культурно-идеологической однородности. Продуктом её является, например, Североатлантический альянс. Современному Западу свойственна жёсткая блоковая (само)дисциплина по ключевым международным вопросам. Она проявляется в единой позиции западных стран при голосовании в Генеральной Ассамблее ООН, в «Группе двадцати»,

в их текущей политике. Смутьянов, если они появляются внутри сообщества, решительно ставят на место. Такой подход вроде бы представляет собой в многополярном мире конкурентное преимущество, ещё одно свидетельство внутренней силы. Но его отличают отсутствие гибкости и идеологизированный догматизм, что вызывает раздражение у незападного мира.

Страны мирового большинства¹⁸ (так в России принято называть сообщество незападных государств Глобального Юга и Востока) блоковой дисциплине не подвержены. В условиях острого геополитического конфликта, стремящегося расколоть современный мир, это может восприниматься как слабость, которой порой пользуются западные визави, например на платформе той же «Группы двадцати». Однако рассматривать данный феномен следует с других позиций – стремления разных государств к той самой максимальной гибкости, которая позволяет не ограничивать возможности и привлекать ресурсы для развития со всех сторон.

Закономерен, однако, вопрос, как могут строиться отношения внутри такого диверсифицированного сообщества, учитывая наличие там многообразных противоречий. Традиция самостоятельного сотрудничества незападных стран насчитывает не одно десятилетие. Основы заложены на Бандунгской конференции 1955 года, где страны, которые в те времена относили к «третьему миру» или Движению неприсоединения, провозгласили общие цели и задачи. В декларации зафиксированы приверженность общему делу борьбы против западного колониализма и империализма, признание равенства всех участников, невзирая на различия между ними, а также совместное продвижение общих интересов во имя развития. Позднее схожий набор принципов принял АСЕАН. В настоящее время он получил развитие на платформах БРИКС и ШОС.

Подобные процессы можно наблюдать и на другом континенте – в Африке. Организация африканского единства (ОАЕ) базировалась на общих ценностях и задачах, стоявших перед африканскими государствами – противостояние колониализму и неоколониализму. Можно вспомнить заявления отцов-основателей ОАЕ. Первый президент Танзании Джулиус Ньерере говорил: «Только в единстве мы можем быть уверены, что именно Африка будет управлять Африкой»¹⁹. Император Эфиопии Хайле Селассие I во вступительной речи на саммите в Аддис-Абебе 1963 года, где была учреждена

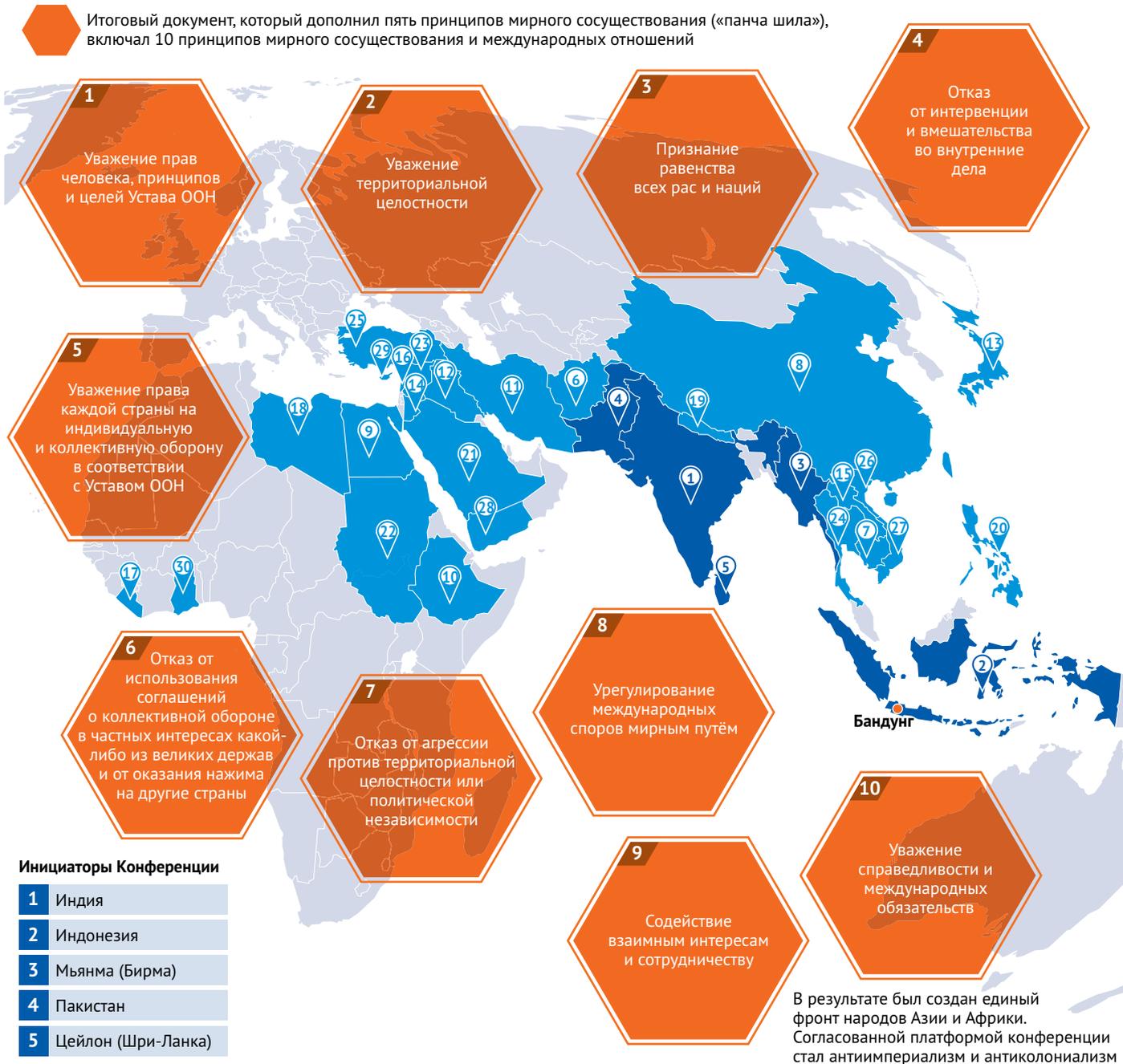
¹⁸ См.: Мировое большинство и его интересы / Доклад под ред. Бордачёва Т.В. // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 10.10.2024. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/mirovye-bolshinstvo-i-ego-interesy/>

¹⁹ Quotable Quotes of Mwalimu Julius K. Nyerere / Collected from speeches and writings by Christopher C. Liundi. Dar es Salaam: Mkuki na Nyota Publishers, 2022. P. 68.

БАНДУНГСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Бандунгская конференция – конференция 30 стран Азии и Африки, прошедшая в Бандунге (Индонезия) 18–24 апреля 1955 года

Итоговый документ, который дополнил пять принципов мирного сосуществования («панча шила»), включал 10 принципов мирного сосуществования и международных отношений

Инициаторы Конференции

1	Индия
2	Индонезия
3	Мьянма (Бирма)
4	Пакистан
5	Цейлон (Шри-Ланка)

Помимо инициаторов участвовали

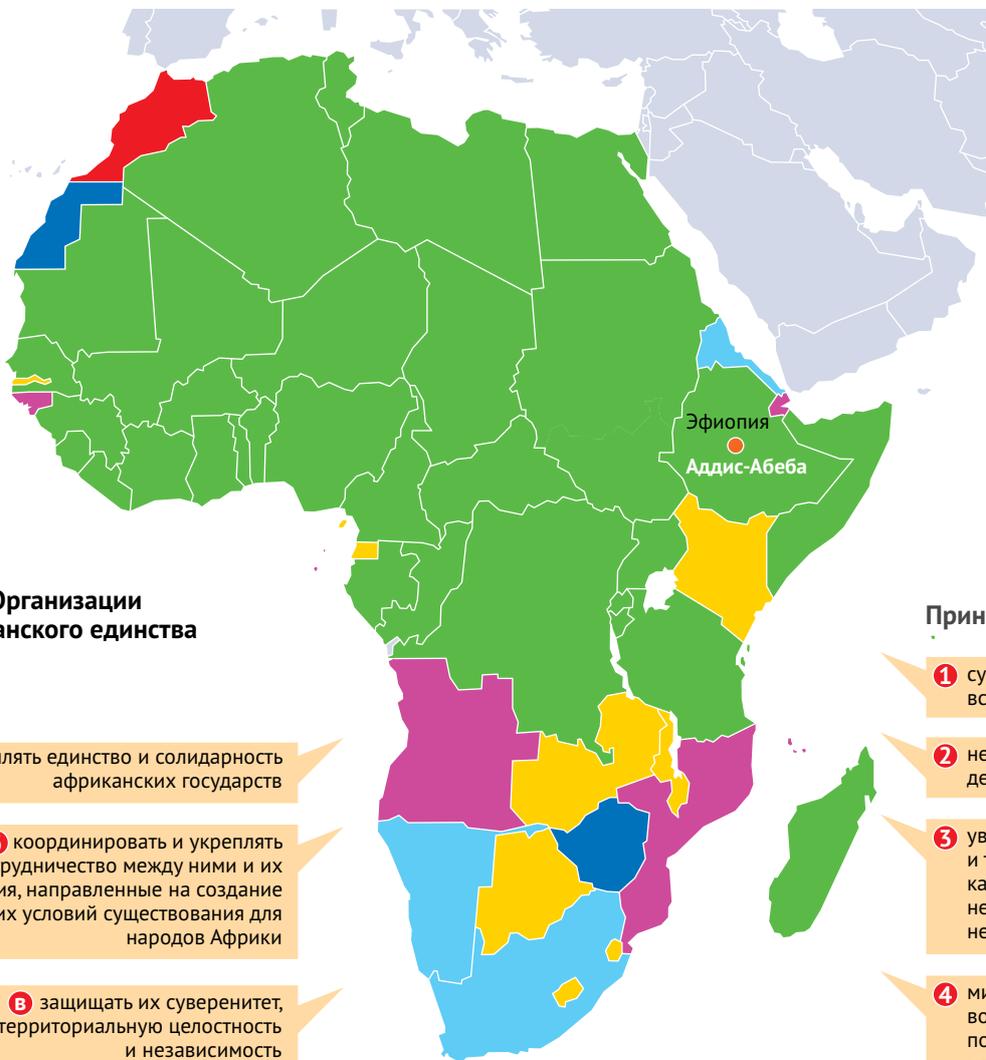
6	Афганистан	11	Иран	16	Ливан	21	Саудовская Аравия	26	Северный Вьетнам
7	Камбоджа	12	Ирак	17	Либерия	22	Судан	27	Южный Вьетнам
8	КНР	13	Япония	18	Ливия	23	Сирия	28	Йемен
9	Египет	14	Иордания	19	Непал	24	Таиланд	29	Кипр
10	Эфиопия	15	Лаос	20	Филиппины	25	Турция	30	Золотой Берег (Гана)

АДДИС-АБЕБСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Аддис-Абесская конференция 22–25 мая 1963 года (создание Организации африканского единства)

● Подписавшие договор в рамках первой конференции

● В 1960-х годах ● В 1970-х годах ● В 1980-х годах ● В 1990-х годах ● Вышел из ОАЕ

В соответствии с «Хартией ОАЕ» (Уставом) целями организации являются укрепление единства и солидарности африканских государств, защита их суверенитета, территориальной целостности и независимости, развитие международного сотрудничества на основе соблюдения Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека

Устав Организации африканского единства

Цели

- а** укреплять единство и солидарность африканских государств
- б** координировать и укреплять сотрудничество между ними и их усилия, направленные на создание лучших условий существования для народов Африки
- в** защищать их суверенитет, территориальную целостность и независимость
- г** уничтожить все виды колониализма в Африке
- д** поощрять международное сотрудничество в соответствии с Уставом ООН и Всеобщей декларации прав человека

Принципы

- 1** суверенное равенство всех государств-членов
- 2** невмешательство во внутренние дела государств
- 3** уважение суверенитета и территориальной целостности каждого государства и его неотъемлемого права на независимое существование
- 4** мирное урегулирование спорных вопросов путём переговоров, посредничества, примирения или арбитража
- 5** безоговорочное осуждение всех форм убийств по политическим мотивам, а также подрывной деятельности со стороны соседних государств
- 6** абсолютная приверженность делу полного освобождения африканских территорий, всё ещё находящихся в зависимости
- 7** подтверждение политики неприсоединения в отношении всех блоков

организация, также прямо указывал на необходимость объединения и на то, что частные различия между отдельными государствами не должны мешать сплочению: «Мы можем спорить о средствах, мы обсуждаем различные пути для решения одних и тех же задач, мы втягиваемся в дебаты о технике и тактике. Но если мы отбросим семантику, то между нами останется очень мало различий. Мы все убеждены в необходимости единого союза африканцев»²⁰. В этой программной речи также подчёркнута прямая взаимосвязь между Африкой и Азией: «Мы едины с нашими азиатскими друзьями и братьями. Африка разделяет с Азией общее прошлое колониализма, эксплуатации, дискриминации и угнетения. В Бандунге африканские и азиатские государства посвятили себя освобождению их двух континентов от внешнего доминирования и подтвердили право всех стран на самостоятельный путь развития, свободный от внешнего вмешательства. Бандунгская декларация и принципы, провозглашённые на той конференции, значимы для всех нас сегодня»²¹.

Со времён Бандунгской и Аддис-Абебской конференций утекло много воды, мир совсем другой. Но заявленные там принципы и цели не просто сохранили актуальность – они обретают второе дыхание. Прежде всего потому, что предполагают взаимное доверие. Обобщая опыт азиатских и африканских стран, можно выделить следующие принципы, апробированные политической практикой незападного мира.

Первое. Признание общей цели. Именно она объединяет разные государства, продвижение к ней является несомненным приоритетом их политики.

Второе. Признание, что частные различия не должны мешать движению к общей цели.

Третье. Понимание, что частные различия никуда не исчезнут. У каждой страны своя специфика и самобытный путь. Доверие подразумевает терпимое отношение к различиям и компромиссные решения, чтобы различия не привели к конфликтам.

Четвёртое. Гибкость институциональных и процедурных механизмов. Сочетание доверия и признания различий обуславливает неприоритетность жёстких институциональных рамок и ограничений. Практическим итогом становятся сосуществование и возможное взаимное переплетение разных структур с разными форматами членства и обязательств.

---

²⁰ Important Utterances of H.I.M. Emperor Haile Selassie I. 1963–1972. Addis Ababa: The Imperial Ethiopian Ministry of Information. 1972. P. 352.

²¹ Там же. P. 361–362.

Пятое. Постепенность внутренней консолидации. Содействие вызреванию необходимых условий для этого.

Шестое. Укрепление солидарности между странами мирового большинства на основе доверия.

Седьмое. Приверженность поиску местных решений для региональных проблем и решение глобальных проблем как совокупности региональных подходов, чтобы право на развитие отдельных стран не стало заложником новых глобальных ограничений.

Такой путь дольше и сложнее, чем привычная блоковая дисциплина. Но в условиях всё более многообразного мира он, возможно, является единственно доступным. Ведь желающих строиться в единую колонну всё меньше.

Возможно ли согласие о принципах мирового устройства?

Эпоха после Второй мировой войны обогатила мир новыми, ранее не применявшимися подходами к организации международной политико-экономической системы. Достижения созданных тогда институтов неоспоримы, но изделий без срока годности не бывает. Кардинальное изменение мирового ландшафта, которое происходит сегодня, требует не отказа от накопленного опыта, но глубокого его переосмысления. События второй четверти XXI века не подведут черту под прежней мировой конструкцией, а откроют путь к её усовершенствованию, приспособлению к новым условиям. Ведь сами идеалы, которыми руководствовались архитекторы послевоенного мира, остаются в силе и соответствуют мировым тенденциям.

Открытое мировое пространство, где обеспечиваются права на мирное развитие, процветание и самореализацию всех народов и стран, – именно то, что является общей целью сегодня. И мы, на самом деле, намного ближе к этой цели сейчас, чем восемьдесят лет назад, когда обсуждался послевоенный миропорядок. Ведь тогда значительная часть мира оставалась в колониальной зависимости, а крупнейшие державы пребывали в системном идеологическом противостоянии. Сейчас нет ни того, ни другого, хотя сохраняются рудименты прошлого. В том числе на их преодоление и должно быть направлено созидание обновлённого мирового устройства.

Появление новых организаций глобального характера крайне маловероятно. Однако на уровне больших регионов государствам, скорее всего, будет недостаточно односторонних усилий, возобладает стремление к более устойчивым формам сотрудничества. Сейчас именно в Евразии апробируются такие структуры нового типа – Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский экономический союз, Организация тюркских государств, инициатива «Пояс и путь». Все эти начинания, как и другие имеющиеся или те, что ещё возникнут, носят экспериментальный характер – время покажет эффективность и реальный функционал каждого из них. Возможно, универсальные региональные платформы смогут затем включать в себя разные институты сотрудничества по конкретным направлениям, задачи которых не вступают в противоречие друг с другом.

Мир образца середины XX века строился сверху вниз – от вершины иерархической пирамиды к её основанию. Новая система не сможет похвастаться такой стройностью. Зато она намного более демократична. Она возникает снизу вверх путём самоорганизации. Её отправной точкой служит сотрудничество государств в рамках отдельных регионов, где им необходимо совместно решать насущные для них прикладные задачи. Если человечество не наделает глупостей, которые отбросят его назад, как это уже случилось в истории, из практического взаимодействия на уровне регионов произрастёт новая система, отражающая сложность и многообразие планеты и способная превратить эти качества из препятствия развитию в его залог.

 Valdai_Club
 valdaiclub
 valdaiclub
 valdaiclubcom
 Международный
дискуссионный
клуб «Валдай»
admin@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ